

КЕРАМИКА СО ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОЯ А ПОСЕЛЕНИЯ СЕРТЕЯ II)

© 2016

Е.С. Ткач, младший научный сотрудник отдела палеолита
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. Повышенный интерес к материалам культур шнуровой керамики в последнее десятилетие связан как с открытием новых памятников, так и с новыми данными, полученными новейшими естественнонаучными методами. Территория Ловатско-Двинского междуречья представляет собой пограничную зону по течению р. Западная Двина, где существует возможность проследить взаимодействие различных культурных традиций древности.

Одним из поселений, где это возможно сделать, является слой *а* поселения Сертея II. Памятник является многослойным, и археологический материал представлен сосудами от раннего неолита до раннего железного века. К культурам шнуровой керамики можно отнести 28 сосудов. Они выделяются по способу орнаментации – использованию гтисков шнура на керамике. Также их характерной особенностью является примесь дресвы в формовочном тесте и использование лоскутов при формовке сосудов. Встречены характерные для шнуровых культур формы керамики – амфоры и кубки. Аналоги данным типам можно найти на территории Польши, Прибалтики и в материалах фатьяновской культуры Поволжья. Их обнаружение среди материалов памятника может расцениваться как импорт и свидетельствует о возможном проникновении носителей культур шнуровой керамики на территорию Ловатско-Двинского междуречья в позднем неолите.

Ключевые слова: культуры шнуровой керамики и боевых топоров; поздний неолит; ранний бронзовый век; Северо-Запад России; Западная Двина; Ловатско-Двинское междуречье; шнуровая орнаментация; морфология; технология изготовления керамики; культурные традиции; инфильтрация; миграции; смешение.

Изучение культур шнуровой керамики (КШК) зачастую основывается только на материалах, обнаруженных в погребальных памятниках. Это связано, в первую очередь, с отсутствием чистых комплексов данных культур на поселениях. Однако немало материалов КШК обнаружено и в культурных слоях многослойных стоянок. Они редко становятся предметом изучения в силу их малочисленности и сложности реконструкций целых морфологических форм керамики. Дополнительной проблемой, которая возникает перед археологами, является сопоставление материалов, полученных при раскопках погребений и поселений: можно ли их считать сопоставимыми выборками. Исследования, проведенные на территории Скандинавии, в которых были сопоставлены керамические сосуды культур шнуровой керамики с поселений и погребений, свидетельствует о правомерности данного метода изучения [1].

На данный момент требуется детальный анализ материалов культур шнуровой керамики, обнаруженных на поселениях. Во-первых, данный вид источника дополнит наши представления о материальной культуре носителей традиций шнуровой керамики. Во-вторых, благодаря изучению материалов с многослойных поселений представляется возможным оценить и интерпретировать взаимодействие различных культурных традиций в рамках одного памятника и региона в целом.

Изучением культур шнуровой керамики, начиная с момента их выделения в конце XIX века, занималось множество исследователей по всей Европе. Для территории Центральной Европы выделен целый ряд шнуровых культур (Злота, Краков-Сандомир, Куяви). В Восточной Европе с ними связываются фатьяновская и среднеднепровская культуры. На территории Прибалтики к КШК относится жуцевская (приморская) культура. В последнее десятилетие были открыты новые памятники в бассейне Москва-реки [2;

3], которые, возможно, представляют собой раннюю фазу распространения культур шнуровой керамики на восток.

На территории Северо-Запада России планомерные исследования проводились А.Н. Лявданским, который одним из первых опубликовал фрагменты сосудов со шнуровой орнаментацией с территории Смоленщины [4]. Во второй половине XX века в Псковской и Смоленской областях начала свою работу Северо-Западная экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева (на данный момент исследования продолжают А.Н. Мазуркевичем). В ходе раскопок было обнаружено большое количество как свайных поселений, так и памятников, культурные слои которых залегают в минеральных отложениях. В результате исследователям удалось проследить развитие археологических культур в Ловатско-Двинском междуречье от раннего неолита до времени длинных курганов [5].

Материалы, которые можно соотнести с культурами шнуровой керамики, были обнаружены на всех свайных поселениях с культурными слоями среднего и позднего неолита (это поселения Усвяты IV, Наумово, Сертея II, Дубокрай I (два последних исследовались с помощью методов подводной археологии) и др.). А.М. Микляевым эти материалы были включены в выделенную им северо-белорусскую культуру [6]. По его мнению, она «входит в круг культур со шнуровой керамикой и боевыми топорами, и все ее связи протягиваются на юго-запад в область жуцевской культуры и родственных ей культур юга Балтии» [5, с. 23]. Также он отмечал наличие керамических сосудов со шнуровой орнаментацией в материалах позднего этапа усвятской культуры, которые датируются серединой III тыс. до н.э. [7, с. 23].

В связи с последними исследованиями в бассейне Москва-реки [2; 3], на территории Кривинского торфяника в Восточной Белоруссии [8] и археологиче-

скими работами в Верхнем Поднепровье [9] возникла необходимость пересмотра материалов культур шнуровой керамики также и в Ловатско-Двинском междуречье.

Задачей данной работы является анализ керамики со шнуровой орнаментацией со слоя α поселения Сертея II: технологии изготовления сосудов, их морфологии и орнаментации. Одной из основных проблем, возникающих при работе с данным видом артефактов, является фрагментарность керамики. В данной работе также сделана попытка интерпретировать появление новых инокультурных (шнуровых) традиций в изучаемом регионе.

Слой α поселения Сертея II (обнаружен в 1972 г.) является одним из памятников, где представлены керамические сосуды со шнуровой орнаментацией. Он располагается на обширном торфянике, который образовался на месте древнего озера в долине реки Сертея – незначительного левого притока Западной Двины. На памятнике было выделено несколько культурных слоев. Как археологический материал, так и месторасположение слоев различаются. Первый культурный слой, А, который располагается в течении реки Сертея, исследуется методами подводной археологии с момента его открытия [10, с. 7; 11]. Культурный слой α находится в 60 метрах от него на возвышенности и залегает на суходоле.

Исследования слоя α производились А.М. Микляевым и Б.С. Короткевичем в 1981–1985 гг. [12], раскопки были продолжены А.Н. Мазуркевичем и М.Э. Полковниковой в 2008–2009 гг. Памятник является многослойным, археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов от раннего неолита до раннего железного века, кремневыми изделиями, фрагментами кальцинированных костей и глиняной обмазкой [13].

На поселении были обнаружены фрагменты от 28 сосудов со шнуровой орнаментацией. Наиболее представительными являются верхние части (венчики) сосудов, также обнаружены придонные части.

Анализ керамических материалов основывается на трех группах признаков: технологии изготовления (техника лепки и визуально определяемые примеси в формовочном тесте), морфологии (форма сосудов и их частей) и орнаментации.

1. *Технология.* Керамика лепилась с примесью в формовочное тесто дресвы и шамота (9 сосудов), иногда с примесью только дресвы, или шамота, или органики. Толщина стенок составляет 7–8 мм, однако встречаются сосуды с примесью мелкой дресвы с толщиной стенок в 5 мм.

Сосуды лепились с помощью лент и/или лоскутов. Для культур шнуровой керамики в Западной Европе характерными являются две техники – ленточная техника и лепка с помощью модели. Среди материалов слоя α поселения Сертея II можно обнаружить лепку как с помощью лент, так и с помощью лоскутов.

При использовании лент прослеживается N-техника. Она часто встречается среди материалов шнуровых культур Скандинавии и Прибалтики [14]. Использование только лоскутов не является характерным. Они встречаются среди шнуровых материалов Понеманья [15]. Лоскуты прямоугольной или

квадратной формы, размер их от 1,5 до 3,5 см. Ширина лент – 1,5 см. Для создания венчика часто использовалась дополнительная лента. Техника лопатки и наковальни, которая была характерна для бытовавшей ранее на данной территории усвятской культуры [7, с. 22], не прослеживается.

В большинстве случаев поверхность сосудов заглаживалась с внутренней и внешней стороны. Следы заглаживания иногда видны на внешней стороне, однако чаще на внутренней. Так называемые «расчесы» расположены горизонтально, но есть и разнонаправленные. Также на внутренней стороне прослеживаются отпечатки пальцев на стыке лент и лоскутов.

2. *Морфология.* Реконструировать форму сосудов полностью невозможно из-за сильной фрагментарности обнаруженных фрагментов.

Края венчиков сосудов округлые (15 сосудов) или прямые (11 сосудов). Один фрагмент венчика имеет приостренный край. Относительно тулова сосудов края зачастую отогнуты наружу (17 сосудов), иногда располагаются прямо (7 сосудов), редко загнуты внутрь (3 сосуда).

По расположению венчиков относительно оси сосуда можно выделить следующие формы: «амфоры» (рис. 1: 3, 8), сосуды в виде кубков с отогнутым наружу венчиком (рис. 1: 1, 2), закрытые шаровидные сосуды (рис. 1: 13) и сосуды цилиндрической формы с прямым венчиком (рис. 1: 5, 12).

3. *Орнаментация.* Для нанесения орнамента использовались оттиски шнура, полого штампа, наколы, ямки и неглубокие вдавления. Оттиски шнура часто располагались горизонтально тулову сосуда под венчиком, на самом тулове или же в придонной части. Также встречаются оттиски шнура, расположенные в виде зигзагов или петель (рис. 1: 5, 7). Последние два мотива являются характерными для культур шнуровой керамики Польши и Прибалтики. Совместно с оттисками шнура использовались наколы, оттиски полого штампа и ямки. Они расположены горизонтально друг под другом или в шахматной порядке, встречается мотив «елочки». Примечательным является наличие выступов на одном сосуде (рис. 1: 2). По всей видимости, данные выступы являются имитацией ушек. Последние встречаются на амфорах культур шнуровой керамики на всей территории их распространения. Также выступы характерны для кубков городокско-здолбицкой культуры [16, с. 89] и амфор позднего этапа шнуровых культур Прибалтики [17, с. 53].

3.1. Отдельное исследование было проведено по анализу оттисков шнура. Внимание в первую очередь было обращено на технику плетения самого шнура. Она бывает двух видов: S или Z и может являться культуроопределяющим фактором для культур шнуровой керамики. Возможно также и иная интерпретация: для правши удобнее скручивать шнур в S-технике, для левши – в Z-технике. Некоторые исследователи считают, что это может помочь с определением количества праворуких и леворуких людей в неолитическую эпоху [18, р. 3144].

Описание данной техники доступно в большом количестве публикаций по ткачеству, а также в работах по археологическим памятникам, в культурных

слоях которых сохранились органические остатки [19, р. 125–128]. Также стоит учесть, что на керами-

ческих сосудах мы видим отпечатки шнура в зеркальной проекции.

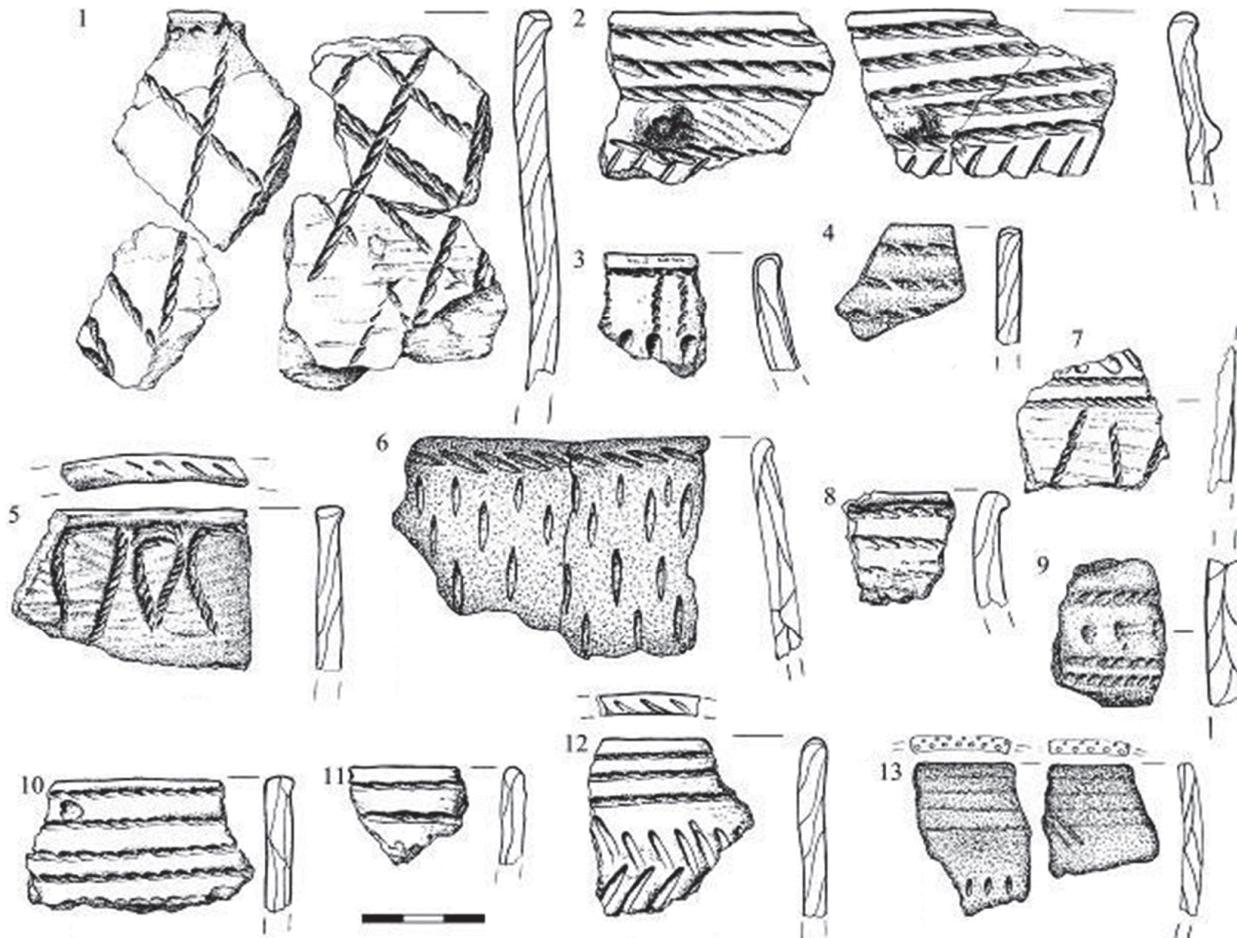

Рисунок 1 – Керамика со шнуровой орнаментацией слоя α поселения Сертея II.

3.2. Сами оттиски различаются между собой по размеру. Для анализа мною был взят участок в 2 см, на котором было подсчитано общее количество шнуровых оттисков. Немаловажным фактором является также техника нанесения отпечатков шнура: был ли он одиночным или двойным. Это можно проследить на керамических сосудах, которые орнаментировались с помощью горизонтальных оттисков. Для этого требуется замерить расстояние между рядами оттисков шнура. Если использовался одиночный шнур, тогда расстояние будет схожим по всему диаметру сосуда. Если использовался двойной шнур, тогда расстояние будет увеличиваться ближе к месту изгиба шнура (месту, где находится палец).

На 7 сосудах использовался двойной шнур, в остальных – одиночный. Примечательно, что на одном сосуде верхний ряд оттисков был сделан одиночным шнуром, остальные – двойным. Сам шнур изготавливался в S-технике, которая отображается как Z, кроме одного сосуда с примесью песка в формовочное тесто (рис. 1: 9).

Чаще всего на 2 см встречается 4, 6 и 7 оттисков шнура (18 сосудов). Также встречены сосуды, на которых очень крупные оттиски (на 2 см помещается 2 оттиска) и очень мелкие – 9 оттисков шнура на 2 см.

Планиграфическое распределение керамических сосудов позволяет судить об условиях их залегания. Анализу удалось подвергнуть только те материалы,

которые были раскопаны в 2008–2009 годах. Также на памятнике проводились исследования каппометром Й. Фассбиндером. Можно сказать, что в культурном слое материалы располагаются неравномерно. Прослеживаются скопления сосудов культур шнуровой керамики у серых пятен, полученных в результате каппометрии [20, с. 116].

На соседнем памятнике Сертея II также были обнаружены керамические сосуды культур шнуровой керамики [11, р. 55]. Исследователям удалось выделить среди них две культурные традиции. В первую попали импортные сосуды, во вторую – сосуды, в которых присутствует смешение культурных традиций (местной и пришлой). Все они были обнаружены в постройках № 1 и 3а, которые датируются 2304±113 BC и 2295±123 BC соответственно [11, р. 61].

Таким образом, на данном памятнике фиксируется появление новой керамической традиции. Основными признаками для ее выделения являются:

1) добавление дресвы в качестве примеси в формовочную массу сосуда, что не было характерным для материалов среднего неолита Ловатско-Двинского междуречья;

2) использование лоскутной техники лепки для изготовления сосудов, в то время как в предшествовавшее время использовались ленты;

3) появление новых форм посуды: амфоры, сосуды в виде кубков и сосуды цилиндрической формы с прямой шейкой;

4) использование оттисков шнура для орнаментации керамики.

Аналогии представленным керамическим сосудам происходят из области распространения жуцевской культуры, как и предполагал А.М. Микляев. Например, сосуды с примесью крупной дресвы являются одним из характерных признаков позднего этапа развития шнуровых культур Прибалтики.

Однако часть материалов, обнаруженных на данном памятнике, нельзя связать с жуцевской культурой. Во-первых, это амфора с поселения Сертея II, которая имеет прямые аналогии среди материалов фатьяновской культуры или материалов фатьяноидного облика [21, taf. 24]. Во-вторых, сосуды с имитацией ушек и сосуды, орнаментированные зигзагами и волной, которые более характерны для территории Малой Польши, нежели для жуцевской культуры [22].

Амфору можно отнести к импортам. Наличие импортных вещей используется в археологии для опознания контактов, торговых и других связей, установления дат [23, с. 68]. В данном случае, основанием для выделения импорта, помимо формы самого сосуда, явились лоскутная технология изготовления, примесь мелкотолченой дресвы в тесто, использование оттисков шнура в виде висячих треугольников.

Сосуды с имитацией ушек и сосуды, орнаментированные зигзагами и волной, имеют частичное сходство с материалами КШК территории Малой Польши. Сходство между ними наблюдается в композициях и совстречаемости орнаментальных мотивов на сосудах, а также в наличии на них имитации ушек.

Разносторонние аналогии (на восток, юго-запад и северо-запад) могут быть связаны, в первую очередь, с месторасположением памятника. Для региона Ловатско-Двинского междуречья и течения Западной Двины в целом характерно смешение различных культурных традиций. По всей видимости, р. Западная Двина играла важную роль для населения каменного – бронзового веков. Это можно связать как с торговлей и обменом [24, с. 112–118], так и с возможным перемещением древнего населения.

Обнаружение шнуровых материалов на представленном памятнике укладывается в общую картину распространения КШК. Во второй половине III тыс. до н.э. они были широко распространены на большей части Европы как Западной и Центральной, так и Восточной. До сих пор остается нерешенным вопрос о взаимодействии между пришлым (КШК) и местным населением на большей части территории их распространения. Одной из версий является инфильтрация (определение). Она была прослежена на материалах КШК Латвии и Польши [25, р. 290]. По мнению Е. Неуступного, «пришлое население селилось как меньшинство на поселениях местных обитателей без разрыва связей со своими родственниками, живущими в меньшинстве на других поселениях этого же региона. По этой причине они могли сохранить свою культурную и социальную идентичность на протяжении, по крайней мере, нескольких поколений» [25, р. 290].

Возникновение жуцевской культуры также связывается с миграцией носителей традиций КШК на территорию Прибалтики. Результатом смешения при-

шлого и местного населения, во всей видимости, и является появление данной культуры. С другой стороны, фиксируется полная смена местной традиции пришлою, как это произошло в Поволжье (фатьяновская культура).

Таким образом, в данном случае материал говорит в пользу реализации различных видов взаимодействия между несхожими культурными традициями. Для определения способа появления и распространения КШК на территории Ловатско-Двинского междуречья требуется дальнейшее изучение керамического и кремневого инвентаря КШК данного региона.

Автор выражает глубокую признательность А.Н. Мазуркевичу за предоставленную возможность работы с коллекциями (Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Beckerman S. Corded Ware coastal communities. Using ceramic analysis to reconstruct third millennium BC societies in the Netherlands // PhD Thesis. Leiden, 2015. 311 p.
2. Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ерошова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. М., 2013. Вып. 231. С. 208–223.
3. Кренке Н.А. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. М., 2014. № 4. С. 5–18.
4. Лявданский А.Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Научные Известия Смоленского гос. университета. Т. IV, Вып. 3. Смоленск, 1927.
5. Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9. С. 7–39.
6. Микляев А.М., Семенов В.А. Свайное поселение на Жижицком озере. Стратиграфия и история поселения // Труды Государственного Ордена Ленина Эрмитажа. Л., 1979. Вып. XX. С. 5–22.
7. Микляев А.М. Памятники усвятского микро-района. Псковская область // Археологический сборник. СПб., 1969. Вып. 11. С. 18–40.
8. Чернявский М.М. Формирование северобелорусской культуры по материалам стоянки Асавец 2 // Археология озерных поселений IV-II тыс. до н.э. СПб., 2014. С. 267–270.
9. Крывальцевіч М.М. Могільнік сярэдзіны III – пачатку II тысячагоддзя да н.э. на Верхнім Дняпры – Прорва 1. Мінск, 2006. 202 с.
10. Микляев А.М. О разведках свайных поселений III-II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982. С. 6–29.
11. Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. The results of underwater excavations at Serteya II, and research into pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. 14. Klaipeda. P. 47–64.
12. Микляев А.М., Короткевич Б.С. О возникновении производства железа в Верхнем Подвинье // Древние памятники культуры на территории ССР. Л., 1991. С. 4–11.

13. Костылева А.А. Комплексный анализ глиняной обмазки с поселения Сертея II, слой α // Каменный век. От Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. 3. С. 340–359.

14. Hulthén B. On ceramic technology during the Scanian Neolithic and Bronze Age. Stockholm, 1977.

15. Лакіза В.Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Паянмоння. Мінск: Беларус. навука, 2008. 343 с.

16. Свэшніков І.К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974. 208 с.

17. Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М., 2010. 312 с.

18. Grömer K., Kern D. Technical data and experiments on corded ware // Journal of Archaeological Science, 37. 2010. P. 3136–3145.

19. Hald M. Ancient Danish textiles from Bogs and Burials // Publications of the National Museum. Archaeological-Historical Series. Vol. XXI. 1980. P. 125–128.

20. Хрусталева И.Ю., Ткач Е.С. Возможности применения магнитометрического анализа на памятниках эпохи неолита лесной зоны (Смоленская область, Россия) // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы школы молодых археологов. М., 2011. С. 114–124.

21. Ozols J. Ursprung und Herkunft der Zentralrussischen Fatjanowo-Kultur. Berlin, 1962.

22. Krzak Z. The Złota Culture. Wrocław, 1976. 254 p.

23. Клейн Л.С. Теоретический словарь археологии. Донецк, 2014. 279 с.

24. Кривальцевич Н.Н. К проблеме культурного взаимодействия населения культуры со шнуровой керамикой Верхнего Поднепровья и Восточной Прибалтики // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003. С. 112–118.

25. Neustupny E. Prehistoric migration by infiltration // Archeologicke rozledy. Praha, 1982. XXXIV (3). P. 278–293.

CERAMIC VESSELS WITH CORD ORNAMENTATION ON THE NORTH-WEST RUSSIA (BASING ON THE MATERIALS OF THE LAYER α SETTLEMENT SETREYA II)

© 2016

E.S. Tkach, junior researcher of the Department of Paleolithic

Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg (Russia)

Abstract. For the last decades interest to the Corded Ware cultures has increased. This is connected with the opening of new settlements and with new data, obtained by the latest scientific methods (C-14, aDNA). Territory of the Lovat'-Dzvina interfluvium is a border zone along the Western Dzvina (Daugava) river. Here we could trace the interaction between different cultural traditions of the ancient population. One of the settlements, where this is possible, is layer α of the settlement Serteya II. This is a multilayer settlement and archaeological material here included vessels from the different periods – from Early Neolithic to the Iron Age. 28 vessels are associated with Corded Ware cultures. They are distinguished by the ornamentation method – cord impressions use on pottery. Their characteristic feature is also an admixture of grass in the dough and patches use during vessels making. Specific to the Corded Ware cultures pottery forms (amphora and beakers) were also found. Analogies of these types can be found in Poland, the Baltic States and in the materials of Fatyanovo culture. Their discovery among studied settlement may be regarded as an import and indicates a possible infiltration of the Corded Ware cultures inhabitants on the Lovat'-Dzvina interfluvium in Late Neolithic.

Keywords: Corded Ware and Battle axes cultures; Late Neolithic; Early Bronze Age; North-West Russia; Western Dzvina (Daugava); Lovat'-Dzvina interfluvium; corded ornamentation; morphology; technology of making pottery; cultural traditions; infiltration; migrations; mixing.

УДК 902.01

ТРАДИЦИИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ: О МЕСТНОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ

© 2016

О.Д. Мочалов, доктор исторических наук, ректор, профессор кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В формировании керамических комплексов эпохи бронзы всегда принимали участие местные волго-уральские группы населения, но их вклад в генезис последующих традиций был неравноценным, различным по масштабам и значимости и неравномерно проявлялся в сферах технологии, формообразования и декорирования. Все это отражалось в локальной специфике регионов и конкретных памятников. Соседнее население, в первую очередь степное, периодически вовлекалось в систему взаимодействия, но направления и интенсивность контактов корректировались в зависимости от сочетания самых разнообразных факторов и особенностей исторических периодов. Взаимодействие местных и соседних, в основном культурно близких групп, усложнялось дальними связями, которые фиксируются в резких изменениях некоторых традиций, дестабилизации навыков формообразования или появлении черт, совершенно несвойственных для предшествующего времени, что способствовало выработке новых культурных стандартов. Вовлечение населения северной части Волго-Уралья в систему дальних связей отражено в периодическом распространении его традиций